

Г. В. ЗЫКОВА

Салтыков-Щедрин и Крылов

Задача нашей работы — внести некоторые уточнения в ответ на давно поставленный вопрос о связи басен Крылова и сказок Щедрина*.

Как известно, сам Щедрин считал Крылова творчески близким себе — недаром он называл язык своей сатиры «эзоповым», т. е. басенным, а русская басня — это, конечно, Крылов. Сколько-нибудь развернутых прямых высказываний о Крылове у Щедрина нет. Можно заметить, правда, что для Щедрина Крылов был, по-видимому, не только поэтом с актуальной художественной манерой, но и официально признанным, чуть ли не официозным поэтом: Щедрин упоминает всего две басни Крылова, и одна из них антипросветительская — «Сочинитель и Разбойник» («Круглый год»).

В чем же конкретно состоят общие черты художественного языка Крылова и Щедрина? Как правило, исследователи указывают либо на отдельные совпадающие мотивы, либо просто на самый факт этой близости, не проясняя ее существа**. Попытка сколько-нибудь подробного сравнения поэтики басни как жанра и щедринской сказки была предпринята Б. Я. Бухштабом. Его выводы таковы:

* Оpubл.: Русская словесность, 1996, № 5. В том же 1996 г. была опубликована статья Е. Н. Строгановой «И. А. Крылов в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина» (XVIII век. Сборник 20. СПб., 1996), предлагающая, в частности, анализ функционирования цитат из Крылова у Щедрина, а также образ Крылова у Щедрина; поскольку с проблематикой нашей работы эта статья не связана напрямую и на ее выводы не влияет, мы не стали включать в текст нашей работы отсылку к работе Е. Н. Строгановой.

** Степанов Н. Л. Мастерство Крылова-баснописца. М., 1956; Бушмин А. С. Сказки Салтыкова-Щедрина. Л., 1976.

«В сказке и басне выводятся антропоморфные образы животных, в которых традицией определен компромисс между людскими и звериными свойствами. Но образы сказок Щедрина стремятся не к компромиссу, а к раздвоению, разрыву между “звериным” и “человеческим”»*.

Это мнение исследователя, насколько мы знаем, было воспринято почти без оговорок**. В другую литературную эпоху даже отсылки к традиционной басне, узнаваемые в «Сказках», были средством создания ощутимой дистанции между современностью и классикой:

«“Сказки для детей изрядного возраста” образуют некий “фонд” и “фон”, альтернативный традиционной басне, притче, сатире»***.

На отношение Щедрина к классической басне не могла не влиять ее пародийная трансформация у Козьмы Пруткова****.

Вовсе не желая оспорить очевидное новаторство Щедрина, мы всё же думаем, что между сказкой Щедрина и традиционной басней (например, басней Крылова) значительно больше общего, чем обычно представляется.

В басне есть черты, живо напоминающие о том, что принято считать самой сутью гротеска щедринских сказок, — парадоксальное совмещение звериного и человеческого, подчеркнутая условность такого совмещения. Эта особенность щедринских сказок замечена давно; всё же приведем несколько примеров. В «Медведе на воеводстве» «мужиками» называются и подчиненные медведю:

«майор спал, а мужики приносили поросят, кур, меду и даже сивухи и складывали свои дани у входа в берлогу» —

и люди, для которых медведь — это просто медведь, и на него они охотятся:

* *Бухштаб Б. Я.* Сказка Салтыкова-Щедрина «Премудрый пискарь» // Литература в школе, 1958, № 3, с. 3.

** Оно повторяется, например, в кн.: *Леонова Т. Г.* Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии. Томск, 1982, с. 171.

*** *Пенская Е.* Проблемы альтернативных путей в русской литературе: Поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина. М., 2000, с. 124.

**** *Пенская*, цит. соч., с. 82–84.

«Но тут явились в труппу мужики-лукаши, и вышел Топтыгин 3-й из берлоги в поле. И постигла его участь всех пушных зверей».

В сказке «Чижиково горе» чижик на своей интендантской службе, между прочим,

«для лошадей сено со всячинкой заготовлял»,

т. е. лошади в мире сказки странным образом остаются обычными лошадьми, в то время как чижик человекоподобен: концы с концами подчеркнуто не сходятся.

Что же касается басни, то, как полагали в эпоху ее расцвета, важнейшую роль в ней играет «прелесть чудесного» (слова Жуковского, сказанные им по поводу басен Крылова). Поскольку неправдоподобие, таким образом, лежит в основе басни, баснописцы тем самым получают возможность утрировать эту особенность жанра, намеренно и нарочито нагромождая нелепицы. По наблюдению Л. Виндт, такое «остранение классического басенного перенесения поступков и свойств людей на животных» свойственно не басне вообще, а именно русской басне*.

У самого Крылова современники находили разные невозможные в природе явления. Так, Н. А. Полевой, доказывая никчемность старого теоретического требования «верности вымысла» в басне, писал о Крылове (причем без всякого осуждения):

«Верность в вымысле, во многих своих баснях, он не соблюдает. Щука идет у него ловить мышей с котом <...> лев наказывает лисицу за то, что она жарит себе рыбу; паук завидует купцу и решается торговать паутиной. Всё это, и десятки других басен, обнаруживает совершенное презрение к условиям верности вымысла»**.

Здесь придется сделать небольшое уточнение. Хотя «презрение к условиям верности вымысла» в той или иной мере есть у большинства русских баснописцев, однако дерзкие нелепицы Крылова почему-то с течением времени перестали задевать слух; как видим, даже в историко-литературных работах, когда сравнивают Крылова и Щедрина, басни Крылова воспринимаются обычно как нечто рациональное и благоразумное, из-за чего еще резче выступает фан-

* Виндт Л. Басня сумароковской школы // Поэтика. Л., 1926, с. 82.

** Басни Ивана Хемницера // Полевой Н.А., Полевой К.С. Литературная критика. Л., 1990, с. 292.

тастика, гротеск Щедрина. Получилось так, видимо, отчасти из-за того, что гротескные элементы вводились Крыловым в его басни с большим чувством меры, в то время как у его современников, баснописцев-архаиков, следовавших традициям XVIII века, — например, у Д. И. Хвостова, но не только у него — такая «галиматья» была гораздо заметнее. То, что допускалось в XVIII веке, в начале девятнадцатого казалось уже грубым, аляповатым. Крылов, как и многие в его время, писал пародии на Хвостова, высмеивая, таким образом, то, что как принцип не было чуждо и ему самому, только занимало в его баснях иное место, чем в хвостовских.

И еще одно. В первой трети XIX века русские читатели и литераторы, видимо, выделяли для себя разные виды «бессмыслицы» и по-разному к ним относились. Был специфический вид бессмыслицы, особенно любимый Хвостовым и запретный в глазах большинства его современников: это бессмыслица, так сказать, анатомическая, когда, очеловечивая животное, поэт приписывает ему не только людские действия, но и части тела, которых у животного нет. В русской басне XVIII века, часто крайне гротескной, подобное встречалось, например, у Сумарокова. В пародиях Крылова на Хвостова нагнетается именно такое; впрочем, и у самого Крылова в непародийных текстах такое тоже встречается, хотя и редко (например, в басне «Дуб и Трость» есть «взоры дуба»^{*}). Эта специально хвостовская нелепица была воспринята и успешно развита Щедриным, вот два примера из сказки «Чижиково горе»: чижик,

«как бы дешево ни просил с него извозчик, он ему всегда пятакком меньше дает, а ежели время терпит, то и *пешком дойдет*» (курсив наш. — Г.З.);

тот же чижик выносит жене деньги «дрожащими руками».

Говоря о дерзкой условности щедринских сказок, Б. Я. Бухштаб приводит такой пример словесной игры на двузначности слова: в сказке «Медведь на воеводстве» медведь-майор назван «скотиной»:

«слово “скотина” мотивировано тем, что речь идет о медведе, но, конечно, относится не столько к “Топтыгину”, сколько к “майору”».

* С неудовольствием отмечено А. Е. Измайловым, собравшим целую коллекцию «ошибок» такого рода: Новые басни и сказки, также разные мелкие стихотворения *Александра Измайлова* <...> с присовокуплением Опыта о рассказе басни. СПб.: В типографии Н. Греча, 1817, с. 106.

Вот еще два примера: в сказке «Чижиково горе» о канарейке говорится:

«Что за птица была его невеста»;

в «Медведе на воеводстве» о собаках:

«выгнали его в ту пору из берлоги и напустили стаю шавок — так и впились, собачьи дети, и в уши, и в загривок, и под хвост».

Игра этого рода не только часто встречалась в басне, но даже некогда понималась теоретиками как одна из неперменных черт жанра. Так, баснописец и вместе с тем теоретик басни А. Е. Измайлов, перечисляющий различные виды «забавного», говорит, между прочим, про название

«животных общими их именами, которые часто у нас в разговоре даются людям. Например, в басне Дмитриева: *Два голубя*, один из них говорит другому:

Хоть до Зефиров ты, *голубчик*, погоди.

Или Крылов в басне своей: *Свинья*, рассказав, каким образом вымаралась она на заднем дворе, присовокупляет:

И из гостей домой

Пришла *свинья свинойей*»*.

У Крылова очень часто встречается именно тот случай, на который указал Б. Я. Бухштаб у Щедрина:

И стал Осел скотиной превеликой

(«Осел»)

А ты Осла назначь: он знатного же чина,

И к слову молвить здесь,

Куда он у тебя завидная скотина!

(«Лев и Барс»)

Пока был умный жрец, кумир не путал врак;

А как засел в него дурак,

То идол стал болван болваном.

(«Оракул»)

* Новые басни и сказки... С. 156–157.

Возможно и подчеркнутое противоречие между «общим именем» и собственным названием животного: так, в «Волке и Ягненке» Волк называет Ягненка «щенком»:

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

В другой басне Волк обращается к Кукушке:

Скажи ж сама, голубка, мне...

В басне «Обоз» молодая Лошадь называет опытного Коня «ослом». Ср. у Щедрина:

С майора <т. е. с чирика> как с гуся вода.

О пескаре:

Вылезу-ка я из норы да гоголем по всей реке проплыву!

Во всех этих случаях намеренно обнажается изначальная условность.

Одно из противоречий, несовпадений, обыгрываемых в гротеске Щедрина, — противоречие между реальным и чисто словесным. Характерная и давно замеченная (см., например, у Б. Я. Бухштаба) черта фантастики Щедрина — реализация метафоры, когда словесный образ предлагается понимать буквально, и он иногда порождает фантастические события: Органчик — «пустая градоначальникова голова». Вот еще пример подобного:

«Денег развелось такое множество, что даже куры не клевали их... потому что это были ассигнации».

Из прозвищ, поговорок строится сюжет главы «О корени происхождения глуповцев» в «Истории одного города»; рой мужиков в «Диком помещике», по-настоящему летающий, как то и полагается рою, возник, по-видимому, из слов Льва Толстого о «роевой жизни» народа (в «Войне и мире»), и т. д.

Так вот, и в баснях Крылова очень часто основой действия становится то, что раньше бытовало как фигура речи, нечто только словесное: пословица, поговорка. Например, Львенок, обучавшийся у Орла, хвастается так:

У птиц недаром говорят,
Что я хватаю с неба звезды.
(«Воспитание Льва»)

В отличие от человека, который с неба взаправду, а не метафорически, хватать что-либо не может, орел действительно летает. Пруд говорит Реке:

Я, право, высох бы с тоски.

Вот еще:

Гнался Лев за Серной;
Уже ее он настигал,
И взором алчным пожирал
Обед себе в ней сытный, верный.
(«Лев, Серна и Лиса»)

Реализация метафоры лежит в основе басни «Камень и Червяк» — камень лежит, а дождик идет:

Как расшумелся здесь! Какой невежа! —
Про дождик говорит на ниве Камень, лежа.
А рады все ему, пожалуй посмотри!
И ждали так, как гостя дорогого,
А что же сделал он такого?
Всего-то шел часа два-три.

Здесь же при всем сходстве особенно заметно и различие между Крыловым и Щедриным: реализованная фигура речи у Щедрина, как правило, фантастична, абсурдна — а у Крылова нет. Пруд и вправду высыхает, а камень лежит, а вот мужики роем не летают.

Принято считать гротескной природу сказок Щедрина. Но допустимо также и говорить если и не о гротеске как принципе басен Крылова, то по меньшей мере о «гротескном отсвете» в них, в басенных оборотах речи.

